
**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА**

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СВЕТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ
СОВРЕМЕННОСТИ¹**© 2008 г. С. В. Поленина²

В начале XXI в. проблема взаимодействия правовых систем мира приобрела резкую конфликтность. Наряду с терроризмом, наркобизнесом, компьютерной преступностью, торговлей людьми и другими отрицательными проявлениями, охватывающими все большее число государств и глобализационных процессов, неожиданную остроту приобрели вопросы национально-культурной идентичности каждого отдельного человека, а также тех или иных вычлененных по этому признаку общностей людей. При этом первостепенная роль в иерархии идентичности, как и во многие другие периоды истории человечества, принадлежит религии.

После взрывов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. мир как бы вернулся к эпохе средневековья и характерных для нее крестовых походов. Только на месте креста на знаменах по мере активизации фундаменталистских течений в исламе все чаще оказывается полумесяц.

Причин такого нарушения стабильности, способного в конечном счете привести чуть ли не к войне цивилизаций, много и в той или иной форме они связаны с процессами глобализации. Особо следует выделить среди них богатство “золотого миллиарда” людей, живущих на “Севере” планеты, и бедность все возрастающего населения стран “Юга”, неравномерность распределения по территории земного шара природных богатств и вне всяких сомнений существенные различия в образе жизни, традициях, привычках, обычаях людей, во многом коренящихся в религиозных установках, воспитанных с детства.

И все это на фоне растущей легальной и нелегальной миграции, сопряженной с формированием на территории стран Запада, населенных преимущественно исповедующими христианство людьми, поселений мигрантов, придерживающихся иной религии (чаще всего ислама) и прибывших из стран Магриба и других регионов Азии и Африки. Какие-либо достоверные дан-

ные о масштабах легальной миграции в страны Северной Америки и Европы мне неизвестны.

Что же касается нелегальной миграции, то попытки её учета проводились в связи с принятием в 2000 г. Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, приложением к которой стал Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми (особенно женщинами и детьми) и наказании за нее. По данным ООН, только на торговле людьми организованные преступные группы зарабатывают более 3.5 млрд. долл. ежегодно. По подсчету государственного департамента США, на рубеже XX и XXI вв. на 2001 г. не менее 700 тыс. человек (в основном женщины и дети) продавались и переправлялись с этой целью через государственные границы ежегодно. Специалисты ОБСЕ подсчитали, что в 1997 г. из стран Центральной и Восточной Европы были незаконно вывезены в Западную Европу и Северную Америку не менее 175 тыс. женщин и детей. На долю мужчин в торговле живым товаром приходится только 2% от этого количества³.

В этих условиях эффективность реализации правовых норм в рамках конкретного государства во многом зависит от состояния существующего в том или ином обществе индивидуального и коллективного правосознания, а также от того, насколько интенсивно и в каком направлении оно подвергается ценностно-ориентационному воздействию. Примером этого может служить, в частности, сопряженный с насилием всплеск негодования во всем мусульманском мире в связи с публикацией в датских газетах достаточно безобидных в понимании большинства европейцев карикатур на Пророка Мухаммеда. Тем не менее страны Европейского Союза, не прибегая к каким-либо встречным превентивным мерам, по-прежнему ориентируются на постановление Европейского суда по правам человека от 1994 г., согласно которому свобода слова налагает некоторые ограничения на использование государствами-членами ЕС своих возможностей по осуществлению цензуры оскорбительных ра-

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ № 06-03-00124а и при информационной поддержке Компании “КонсультантПлюс”.

² Заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

³ См.: Мы и Вы (Диалог женщин). 2002. № 18/34. С. 5.

систских высказываний⁴ даже при наличии определенной взаимосвязи между такими высказываниями и последующей расовой дискриминацией.

И это не случайно, поскольку функции правовой культуры в любом государстве связаны с определением направления воздействия правовой культуры на сознание и поведение людей, их коллективов и организаций, на все сферы общественной и личной жизни, в которых проявляется ее сущность, социальная и специально-юридическая роль и назначение в механизме правового регулирования общественных отношений. При этом классификация функций правовой культуры может осуществляться по различным критериям: сферам общественной жизни; роли в механизме правового регулирования; значимости их (функций) для людей, их коллективов, организаций, общества в целом и др.⁵

Крайне важно не упускать из виду, что, подобно правосознанию, которое может быть не только индивидуальным, но и групповым и даже массовым, правовая культура большинства государств мира отнюдь не однородна. Это чревато внутригосударственными социально-культурными конфликтами разной этиологии, прежде всего межнациональными, межэтническими и межконфессиональными. Особенно обострилась социокультурная ситуация в странах Северной Америки и Западной Европы в связи с массовой миграцией в эти страны людей, исповедующих ислам, хотя понятно, что такие внутригосударственные конфликты возникают и могут возникнуть в любом государстве и регионе мира.

Перемещение значительных масс населения из привычной географической, климатической, экономической, социальной и культурной среды в совершенно новые для них условия ставит перед мигрантами непростую задачу адаптации к новой жизни. Это достигается либо путем полного слияния с новой средой и отказом от прежнего опыта, либо путем создания землячеств (социальных групп), объединяющих соплеменников и консервирующих опыт прежней родины, в первую очередь в культурологическом, в том числе религиозном ключе. Понятно, что для большинства мигрантов последний вариант оказывается предпочтительным, хотя он чреват серьезными коллизиями с властями государств, принимающих мигрантов.

Дело в том, что в принципе способы разрешения внутригосударственных конфликтов могут быть различными и носить как социоцентристский, так и персоноцентристский характер, т.е. разрешаться преимущественно в пользу интере-

сов социума в целом, либо в первую очередь интересов отдельной личности. И выбор варианта определяется социокультурной политикой конкретного государства, ее светской или теократической ориентацией.

В науке существует мнение, что “во всемирно-историческом масштабе прогрессивное развитие идет от социоцентристского к персоноцентристскому типу правовой культуры, когда личность становится высшей ценностью и все государственно-правовые механизмы и институты нацелены на обеспечение ее интересов в сочетании с интересами общественного целого”⁶. Однако такой вывод можно считать в целом обоснованным лишь применительно к государствам, проводящим политику либерально-демократической направленности, ориентирующуюся на права и свободы человека.

Между тем значительная часть стран мира живет по иным канонам, в том числе базирующимся на исламской концепции прав человека, в основе которой лежат обязанности человека, среди которых основное значение придается подчинению власти. При этом, в отличие от западной либеральной концепции, которая видит основной смысл закрепления прав человека в их охране от посягательств со стороны государства, ислам, как подчеркивают мусульманские юристы, в частности Абдалла бин Абдель Мухсин ат-Турки, рассматривает власть как институт, связанный шариатом и играющий главную роль в претворении его предписаний, в том числе и относительно прав и свобод человека⁷.

Именно поэтому исламские представления о свободе, равенстве и справедливости во многом не совпадают с европейским их пониманием. Это касается не только общих категорий, но и конкретных прав и свобод человека. Примером может служить право на образование и получение информации, свобода научного творчества и отношение к знанию вообще, исламское понимание которого, хотя и не ограниченное религиозными рамками, предполагает прежде всего усвоение именно божественного откровения, шариата⁸.

Персоноцентризм, о котором речь шла выше, присущ не только национальной правовой системе так называемых демократических государств. Не будет преувеличением сказать, что персоно-

⁴ См.: Application 15890/89, Jersild v. Denmark, Judgment of 23 September 1994.

⁵ См.: Баумова М.Г. Функции правовой культуры. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 7.

⁶ Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996; Его же. Правовая культура в России на рубеже столетий // Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Волгоград, 2001; Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория. Саратов, 2006. С. 93–102.

⁷ Цит. по: Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция прав человека // В кн.: Права человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002. С. 283.

⁸ См.: там же. С. 316–317.

центризм также является общим направлением развития международного публичного права, особенно после создания Организации Объединенных Наций и принятия ее Устава. Принимаемые ООН и ее органами международные документы и закрепляемые в них общепризнанные принципы и нормы международного права целеустремленно ориентированы на человека, защиту его прав и свобод. Более того, есть все основания считать, что разработка и поднятие на уровень международных стандартов концепции прав человека — одно из важных достижений цивилизации. Свидетельством этого служат прежде всего Всеобщая декларация прав человека, а также принятые в один и тот же день, 16 декабря 1966 г., Международные пакты о политических и гражданских правах и об экономических, социальных и культурных правах и многие другие универсальные и региональные международные документы.

Сказалась персонцентристская ориентация и на структуре международного права, результатом чего стало вычленение в нем отраслей и институтов, важнейшее место среди которых стала занимать отрасль гуманитарного права.

В зарубежной литературе достаточно давно было высказано мнение, что отличительным признаком современной международной правовой системы стало распространение действия международных правовых норм не только на государства, которые всегда были субъектами международного права, но и на широкий круг отношений с участием физических и юридических лиц. Ныне этой точки зрения придерживаются многие российские ученые⁹.

В то же время нельзя упускать из виду, что персонцентризм является не единственным направлением развития международного права в XX и XXI вв. Конечно, Всеобщая декларация прав человека и названные выше международные пакты и иные международные документы представляли и представляют собой поныне картину прав индивидуума — отдельно взятого человека и гражданина. Более того, не одно десятилетие в обстановке острой идеологической борьбы двух сверхдержав на международной арене даже вопрос о возможности закрепления в качестве норм международного права стандартов правового статуса тех или иных групп населения, вычлененных по присущим им признакам (социальным, национальным, возрастным, половым и т.д.), долгие годы не только отрицался, но и сама его постановка тем или иным государством или группой государств трактовалась (в том числе и на форумах ООН) как пропагандистская акция.

Ситуация в корне изменилась после 1979 г., когда была принята Конвенция ООН “О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин”, которая вместе с Конвенцией ООН “О правах ребенка” (1998 г.) легла в основу совокупности социоцентристски ориентированных международных документов, образовавших так называемое третье (после политических, гражданских и социально-экономических прав) поколение прав человека. Специфика этого поколения прав человека состоит в том, что оно охватывает права тех категорий граждан, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими людьми *возможностей* осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны государства, общества и международного сообщества в целом¹⁰.

Дополнение строго персонцентристской ориентации развития международного права в первые десятилетия после создания ООН социоцентристскими конвенциями и декларациями в конце XX в. отнюдь не означало, что весь мир принял к руководству и соблюдению *обе (индивидуальную и коллективную) концепции прав человека* без каких-либо оговорок, тем более что они базируются на внутренне противоречащих друг другу социокультурных установках, национальных обычаях, традициях и исповедуемой большинством населения той или иной страны религии.

Казалось бы, мусульманский мир, религиозные представления которого во многом основываются на коллективистских началах, должен был бы безоговорочно поддерживать ту часть международно-правовых документов, которые носят социоцентристский характер. Однако именно закрепленные в Конвенциях ООН 1979 и 1989 гг. права женщин и детей относятся (согласно шариату) к числу так называемых прав личного статуса (брак, развод, наследование, опека над детьми и т.д.). При этом личный статус считается одной из сторон религиозной принадлежности индивида, частью свободы вероисповедания, которая предполагает и свободу регулирования личного статуса в соответствии со сложившимися в той или иной конфессии нормами. Соответственно споры по поводу личного статуса в мусульманских странах, (а также в Израиле), неподведомственны государственным судам, а разрешаются религиозными судами.

В этих условиях понятно, почему целый ряд азиатских и африканских государств, ратифицируя Конвенцию 1979 г. “О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин”, сделал большое число весьма существенных оговорок и

⁹ См.: Гаврилов В.В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

¹⁰ См.: Поленина С.В. Закон и коллективные права женщин как социального слоя населения // В кн.: Теория права: новые идеи. М., 1996.

заявлений, часть которых была, правда, снята в дальнейшем.

В результате к лету 1996 г., по данным ООН, Конвенция 1979 г. была ратифицирована 161 государством. На тот период она была вторым по масштабам участия договором о правах человека, но вместе с тем она оказалась договором, по отношению к которому государства-стороны высказали наибольшее число весьма существенных оговорок.

Особые возражения со стороны мусульманских государств вызвала ст.2 Конвенции – центральная, с точки зрения предмета и целей Конвенции. Пункт “д” этой статьи обязывает государства, присоединившиеся к ней, отменить все положения уголовного законодательства, которые являются дискриминационными в отношении женщин. Между тем, по мнению мусульманских толкователей Корана, за целый ряд “страшных грехов” смертная казнь должна быть при всех условиях сохранена, в том числе за убийство, разбой, выход из ислама (вероотступничество, т.е. совершение порочащих ислам действий, в том числе в форме публикации стихов, карикатур и других аналогичных действий. – *С.П.*) и ... внебрачные сексуальные отношения. Считается, что смертная казнь за эти четыре вида преступлений отвечает божественной воле. Она не установлена земной властью и поэтому не может быть отменена.

Понятно, что столь жестокая кара за последнее “преступление” при наличии допускаемой в той или иной форме в большинстве стран мира проституции распространяется фактически лишь на женщин. Вот почему не стоит удивляться, что, ратифицируя Конвенцию 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Бангладеш сделал оговорку, что не считает себя связанным нормой п. “д” ст. 2, так как “она вступает в конфликт с шариатским правом, основанным на Святом Коране и Сунне”. Аналогичные или похожие оговорки сделали также в свое время при ратификации Конвенции 1979 г. Египет, Ирак и Ливия. Между тем, как отмечается рядом исследователей, такого рода оговорки фактически лишают Конвенцию 1979 г. какого-либо смысла. В результате весьма существенный для половины населения Земли международный документ по сути превращается в фикцию¹¹.

Анализируя исламскую концепцию прав человека, Л.Р. Сюкияйнен отмечает, что ряд принципиальных положений шариата (право на жизнь и смертная казнь, свобода совести, политические права человека, социальная солидарность, полигамия, понимание прав и обязанностей женщин и др.), несомненно, расходится с международными

актами по правам человека. Вместе с тем современная мусульманско-правовая мысль по этому вопросу не стоит на месте, учитывая происходящие в мире изменения.

Это нашло свое отражение во Всеобщей исламской декларации прав человека, провозглашенной Исламским советом Европы в сентябре 1981 г., и в Исламской декларации прав человека, одобренной на XIX совещании министров иностранных дел стран-членов организации Исламская конференция в Каире в сентябре 1990 г. Правда, на этом основании существенных подвижек в сторону либерализма в вопросах прав человека в мусульманских странах ожидать едва ли можно. Ведь согласно ст. 24 Декларации 1990 г. “Все права и свободы, закрепленные в настоящем документе, ограничены нормами исламского шариата”, а ст. 25 этого документа провозглашает, что “исламский шариат является единственным источником для толкования любой из статей настоящей Декларации”¹².

Особенно безрадостно с учетом названных и других норм Декларации выглядят надежды на изменения личного статуса мусульманских женщин в сторону свободы и гендерного равенства, поскольку семейное законодательство большинства исламских государств, с одной стороны, признает за женщиной личные свободы и социальные права, а с другой – признает равноправие женщин с мужчинами при условии выполнения женщинами своих семейных обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении защиты ее чести и достоинства.

Тем не менее определенные положительные шаги со стороны отдельных мусульманских стран по пути сближения основных концепций прав человека постепенно имеют место. Из газет мы узнаем, что в тех или иных странах, расположенных вокруг Персидского залива, женщинам предоставлено избирательное право, хотя им по-прежнему не дозволяется управлять автомобилем.

К сожалению, далеко не всегда меняет к лучшему судьбу мусульманских женщин эмиграция в демократические страны Западной Европы. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, жизнь Айан Хирши Али, бывшей беженки из Сомали, а ныне депутата голландского парламента. Она была объявлена в средствах массовой информации “Европейцем 2006 года” поскольку, рискуя жизнью, борется против насилия в отношении женщин в семьях мусульман, эмигрировавших в Голландию¹³.

В США, Канаде, Великобритании, Франции и других странах Западной Европы “модным” ста-

¹¹ См.: Human Rights of Women. National and International Perspectives / Ed. R.G. Cook. Philadelphia, 1994. P. 351–352.

¹² Сюкияйнен Л.Р. Указ. соч. С. 306 – 321.

¹³ См.: Хиклинг С. Своя среди чужих // Ридерс дайджест. 2006. Февраль. С. 34–41.

новится соблюдение в отношении все возрастающего числа мигрантов политики “политкорректности” и “мультикультуризма”, хотя такая внутренняя политика западных либеральных демократий нередко на практике влечет за собой прямое нарушение многих международных стандартов прав человека, с одной стороны, и возрастание числа террористических актов и уличных беспорядков – с другой¹⁴.

Более того, в специальной литературе “политкорректность” стран Запада иногда рассматривается как одна из причин, способствующих экстремизму¹⁵. Один из авторов такой концепции профессор Белградского университета (Сербия) Миролуб Евтич считает, что Запад все еще занимается самообманом, внушая себе и всему миру, будто могут существовать исламские страны без теократии, и пытаясь отыскать модель ислама, которая доказывала бы подобную возможность. По его мнению, несмотря на обнадеживающие светские тенденции, существующие только среди христиан, Запад поощряет исламские тенденции, которые неизбежно ведут к фундаментализму. При этом Евтич приводит цитаты теологов Боснии и Герцеговины, которые пишут, что “ислам борется за разрушение всех государств и правительств, где бы они не находились, если те противостоят идеологии и программе ислама”, а “распространение ислама посредством применения вооруженной силы является общим религиозным долгом мусульман”.

Не столь пессимистической позиции в оценке последствий культурно-цивилизационных особенностей христианского и мусульманского мира придерживаются другие мусульманские правоведы, в том числе неоднократно цитируемый Л.Р. Сюкияйненем Абдалла бин Абдель Мухсин ат-Турки. По его мнению, цивилизационные различия могут восприниматься не как отрицание всеобщности прав человека, а как обогащение практики их реализации. В противном случае защита прав человека грозит превратиться в свою противоположность. То, что для носителя европейской культуры выглядит унижением и неравенством, представитель исламской цивилизации может воспринимать как вполне естественное и даже одобряемое. И, наоборот, нормы, которые для европейца ассоциируются со свободой и правом выбора, мусульманин может считать симво-

лом вседозволенности, распушенности и унижения достоинства человека¹⁶.

При всех условиях следует согласиться с мнением заместителя министра иностранных дел России А. Яковенко по поводу того, что глобализации в отношении прав человека достичь трудно. Такой вывод он сделал по завершении в Женеве так называемого сегмента высокого уровня первой сессии Совета ООН по правам человека летом 2006 г. По мнению А. Яковенко, работа сессии показала, что различия существуют не только между нациями и народами, но и на региональном уровне. И игнорирование региональных различий может оказаться контрпродуктивным, что особенно ясно видно при попытке механического перенесения даже самой “прогрессивной” модели в условия, к которым она не приспособлена или вообще не применима. Так, оказалась неудачной попытка перенести без изменений богатый опыт Совета Европы по установлению правозащитных стандартов и соблюдения прав человека в американский регион. В Африке в этом смысле ситуация несколько иная: с учетом американского опыта на континенте удалось создать свою собственную систему, основанную именно на широком понимании культурного и исторического разнообразия, существующего в регионе¹⁷.

Россия и населяющий ее народ, рассмотренные под углом зрения национально-культурной идентичности, представляют собой специфическое государственное образование, которое создавалось на протяжении веков и сохранилось в значительной своей части, несмотря на разрушительные действия либеральных псевдореволюционеров в 90-х годах XX в.

Всенародная перепись населения начала XXI в. показала, что в Российской Федерации, как и ранее в Российской империи, а позднее в СССР, проживают граждане более 100 национальностей. При этом значительная часть всех этих людей, независимо от национальности и религиозной принадлежности, живет на территории России веками. Поэтому между ними и составляющими большинство жителей страны русскими сложились достаточно стабильные, устоявшиеся формы сосуществования, сводящие в принципе к минимуму возможность серьезных межнациональных, межэтнических а тем более межконфессиональных конфликтов. Вместе с тем развал Советского Союза и связанные с этим миграционные потоки из Российской Федерации и на ее территорию, прежде всего из бывших республик СССР, явились определенным дестабилизирующим фактором в условиях охватывающей весь мир

¹⁴ См.: Поленина С.В. Мультикультуризм и права человека в условиях глобализации // Гос. и право. 2005. № 5. С. 66–77; Дерлугьян Г. “Понаехали тут!” по-американски // Известия. 2005. 18 янв.; Юрьева Д. Хиджаб против паранджи // Росс. газ. 2006. 7 окт.; Сабов А. Полумесяц над Европой // Росс. газ. 2006. 1 марта.

¹⁵ Евтич М. Политкорректность и экстремизм // Свободная мысль – XXI век. 2006. № 7–8. С. 119–133.

¹⁶ См.: Сюкияйнен Л.Р. Указ. соч. С. 320–321.

¹⁷ См.: Яковенко А. Глобализации в отношении прав человека трудно достичь // Росс. газ. 2006. 27 июня.

глобализации. Все это придало значимость проведению оптимальной национально-культурной политики в Российской Федерации – светском государстве, в котором согласно Конституции страны “никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной” (ст. 14).

Правовая система России (вне всяких сомнений) основана на принципе персонифицизма. Это прямо провозглашает ст. 2 Конституции РФ, согласно которой “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства”.

Вместе с тем Конституция РФ и российское законодательство стоят также на защите и коллективных прав граждан. Свидетельством этого служат, в частности, ч.3 ст.19 и ст.38 Конституции РФ. Согласно первой из них “мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации”, а вторая провозглашает, что “материнство и детство, семья находятся под защитой государства”, а “забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей”. Кроме того наша страна ратифицировала все основные международные конвенции о коллективных правах тех или иных категорий людей.

Соответствует коллективизму и сложившемуся на протяжении веков национально-культурному духу, представлению о добре, зле и образе жизни жителей нашей страны как в границах территории нынешней Российской Федерации, так и ранее всей российской империи, а позже – всего Советского Союза.

На этой же позиции стоят и представители проживающих на территории России основных религий, настаивающие на необходимости учета в вопросах прав и свобод человека не только постулатов западного либерализма, но и религиозной этики, основанной на приоритете нравственных ценностей. Так, в условиях обострения религиозных противостояний, охвативших значительную часть мира в связи с публикацией в датской газете карикатур на пророка Мухаммеда, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл решительно выступил против “секулярного либерализма, ныне выступающего в роли идеологического обеспечения интеграционных процессов в новой Европе”. По его мнению, “применение принципа приоритета прав и свобод личности в контексте международных отношений должно основываться на широком консенсусе всех заинтересованных сторон, а отнюдь не на произвольных и выборочных интерпретациях этого принципа, а уж тем более не обслуживать политический или идеологический заказ”¹⁸.

¹⁸ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Русская Церковь и христианское измерение проблемы прав и свобод человека // Известия. 2006. 3 марта.

В соответствии с этой концепцией 6 апреля 2006 г. X юбилейный Собор Русской православной церкви принял Декларацию о правах и достоинствах человека. К их числу отнесены вера, нравственность, святость, отечество. Положение Декларации о том, что коллективные права человека важнее, чем индивидуальные, вызвало несогласие присутствовавших на Соборе российских правозащитников¹⁹.

С позиций, аналогичных точке зрения православного духовенства, выступило и руководство мусульманской диаспоры в России, доказывая всему миру, что воинственный исламизм – это вырождение ислама, его деградация. Четкая позиция в вопросе прав человека и места религии в жизни общества и государства тем более важна в нашей стране, поскольку ислам является второй по степени распространенности религией в Российской Федерации, а мусульманский фактор затрагивает интересы значительной части ее населения. При этом нельзя упускать из виду и другую опасность – опасность политизации ислама, учитывая, что в отдельных субъектах Федерации в начале третьего тысячелетия были предприняты попытки (вопреки Конституции РФ) легализовать многоженство и принять Уголовный кодекс, основанный на шариате²⁰.

В связи с изложенным важную роль приобретают научные исследования правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации вообще и о природе мусульманского права, в частности.

С правовой точки зрения крайне важен анализ содержания самого понятия “светское государство”, порядка регламентации деятельности религиозных объединений, а также реализации принципа светского характера государственного и муниципального образования. Следует согласиться с К.Г. Каневским, утверждающим, что преподавание в любой форме религии в государственных и муниципальных школах с конфессиональных позиций недопустимо. Допустимо лишь преподавание знаний о религиях исключительно с культурологических внеконфессиональных позиций. Исходя из этого, в п. 4 ст. 5 Закона “О свободе совести”, а также принятые в соответствии с ним подзаконные нормативные правовые акты должны быть внесена соответствующая корректировка. В этой связи представляет интерес опыт преподавания знаний о религии в светских школах в странах Западной Европы²¹.

¹⁹ См.: Елков И. Споры вокруг Собора // Росс. газ. 2006. 7 апр.

²⁰ См.: Гизяутдинова Р.Х. Природа мусульманского права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001.

²¹ См.: Понкин И. Преподавание знаний о религии в светской школе: обзор европейского опыта // Свободная мысль – XXI век. 2006. № 9–10. С. 131–145.

Прав К.Г. Каневский и в другом: в нашей стране должен быть установлен четкий порядок реализации права на свободу совести во всех сферах, в том числе в армии и в медицинских учреждениях. Нормативно следует закрепить порядок и сроки принятия соответствующих решений, форму подаваемых заявлений, сроки их рассмотрения и, главное, ответственность должностных лиц за нарушение данного порядка²².

Вопрос о природе мусульманского права является дискуссионным. Логически Коран и другие источники религиозного мусульманского права должны были бы сопоставляться со священными книгам других религий (Библией, Торой и т.д.). Однако в отечественном правоведении сегодня преобладает концепция о юридическом характере мусульманского права, которое сравнивается с англо-саксонской и романо-германской правовыми семьями.

На наш взгляд, следует согласиться с Р. Гилязудиновой, рассматривающей мусульманское право как разновидность религиозного права. При этом она отмечает, что шариат в принципе не допускает функционирования государства в современном его понимании. Там, где верховодит шариат, власть не приобретает существенных признаков государства, в частности таких, как суверенитет, издание законов, обязательных для всех (в том числе духовных лиц) и т.д. Другое дело страны, где ислам в соответствии с Конституцией является государственной религией, как, например, в Иране. Там ислам приобретает характер юридического права. То же относится и к религиозным нормам, санкционированным государством. Все это, разумеется, не снижает значения мусульманского права в процессе регуляции общественных отношений и не уменьшает его значения для миллионов верующих мусульман²³.

С учетом изложенного выше для российских реалий особый интерес представляют суждения названного автора, что по мере развития исламского общества и расширения международных связей мусульманских народов обнаруживается несостоятельность отдельных норм шариата моральным устоям. Это и подталкивает современных законодателей в мусульманских государствах принимать светские законы, отличающиеся от требований мусульманского права.

В целом анализ религиозной идентичности и социальных предпочтений, проведенный исследовательским центром "Религия в современном мире" Института социологии РАН, показывает, что большинство респондентов во всех конфессио-

нальных группах выступает за сохранение исторически сложившихся отношений между народами Российского государства. В то же время можно констатировать, что культурно-конфессиональная близость народов далеко не всегда является фактором межнациональной толерантности. В ряде случаев большее значение приобретают принадлежность к коренным российским народам и длительность совместного проживания в пределах одного государства, а для представителей ближнего и дальнего зарубежья – местонахождение исторической родины и ее отношение с Россией²⁴.

Что касается межгосударственной интеграции, прежде всего в рамках СНГ, то она должна составлять одну из важных внешних функций Российской Федерации. Как правильно отмечает С.А. Киреева, содержание межгосударственной интеграции охватывает деятельность государства, направленную на становление, развитие, укрепление и совершенствование различных форм межгосударственного сотрудничества и подчиненную единым принципам, целям и задачам²⁵.

В общемировом масштабе, по мнению заместителя министра иностранных дел РФ А. Яковенко, следует ожидать повышения важности контрольной составляющей в функционировании основных международных систем и договоров по защите прав человека. При этом необходимо всегда помнить о различии между собственно правами человека и политическими соображениями государств по этому поводу.

В условиях глобализации, подчеркивает А. Яковенко, невозможно создать целостную систему международного контроля в области прав человека, если не будет достигнута цель универсального участия государств в основных правозащитных международных договорах. Сегодня этого не наблюдается. К примеру, США не участвуют в ряде основных договоров по правам человека (Конвенция о правах ребенка, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и т.д.). В отношении некоторых других международных соглашений Вашингтон сделал серьезные оговорки. Между тем необходимо помнить, что современные институты и механизмы международного контроля в правозащитной сфере создаются на основе правового и политического консенсуса²⁶.

²⁴ См.: Мчедлов М. Религиозная идентичность и социальные предпочтения // Свободная мысль – XXI век. 2006. № 4. С. 101–115.

²⁵ См.: Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Астрахань, 2006.

²⁶ Яковенко А. Указ. соч. // Росс. газ. 2006. 27 июля.

²² См.: Каневский К.Г. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

²³ Гилязудинова Р.Х. Указ. соч. С. 9–10.